

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-139-153

УДК: 101.1; 167

КАК МОЖНО ПОМЫСЛИТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ В ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

Розин Вадим Маркович,

доктор философских наук, профессор,

главный научный сотрудник Института философии РАН,

Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

ORCID: 0000-0002-4025-2734

rozinvm@gmail.com

Аннотация

Ставится вопрос о существовании в философии научных исследований, а также о том, что собой представляют исследования в философии и науке. Отрицается научный статус философии при том, что взаимодействие философии и науки в современной культуре подчеркивается. Автор отмечает, что исследования, как мы их сегодня понимаем, сложились не раньше первой половины XX в. Конечно, в философии что-то похожее на исследование, осознаваемое как диалектика (Платон) и мышление (Аристотель), возникло в античной культуре; в науке исследование складывается позднее, в эллинистический период: Архимед уже настоящий ученый, а не философ. Предлагается реконструкция исследования как такового, в нем различаются проблемы и задачи, построение схем и идеальных объектов, объективный и субъективный планы (субъективный план представляет собой реализацию в процессе исследования личности философа или ученого). На материале двух кейсов (платоновского «Пира» и работы Галилея «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки, относящихся к механике и местному движению, с приложением о центрах тяжести различных тел») обсуждаются и характеризуются перечисленные различия. Одновременно они сравниваются между собой, чтобы уяснить их особенности для философии и науки. Рассматриваются два случая становления и использования методологии исследования: когда методы уже сложились и определяют целиком исследование и когда методология формируется в ходе самого исследования. В конце статьи обсуждаются некоторые особенности исследования, определяемые принадлежностью его к институту науки модерна.

Ключевые слова: исследование, наука, философия, мышление, диалектика, методология, методы, проблема, схема, идеальный объект.

Библиографическое описание для цитирования:

Розин В.М. Как можно помыслить исследования в философии и науке // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 1, ч. 1. – С. 139–153. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-139-153.

Разрабатывая программу академического курса «Методы и методика научных исследований в философии», я столкнулся с серьезными проблемами. Прежде всего философия, с точки зрения современных методологических представлений, – это не наука, хотя она и опирается на результаты научных исследований. Вторая проблема вытекает из первой: есть ли в философии *научные* исследования? Просто исследования есть, но вот *научные* ли они – большой вопрос. Наконец, существует ли *методика* в философии?

Я, конечно, знаю, что традиция сблизать философию с наукой идет еще от Канта. В «Критике чистого разума» мы читаем: «Задача этой критики чистого спекулятивного разума состоит в попытке изменить прежний способ исследования в метафизике, а именно совершить в ней полную революцию, следуя примеру геометров и естествоиспытателей... если метафизика вступит благодаря этой критике на верный путь науки, то она сможет овладеть всеми отраслями относящихся к ней знаний» [6, с. 76, 91–92]. «Истинной формой, в которой существует истина, – соглашается с ним Гегель, – может быть лишь научная система ее. Моим намерением было – способствовать приближению философии к форме науки, к той ее цели, достигнув которой она могла бы отказаться от своего имени любви к знанию и быть действительно знанием» [3, с. 3].

Но Кант предлагал сблизать, а не отождествлять. Он поясняет, что «философское познание есть познание разумом посредством понятий, а математическое знание есть познание посредством конструирования понятий», поэтому буквальное сведение философии к математике «не может дать никакой выгоды», эти научные дисциплины «совершенно отличны друг от друга и поэтому не могут копировать методы друг друга» [6, с. 600, 609]. Здесь, правда, возможен вопрос: а является ли наукой сама математика? В работе «Математика: восстановление определенности (заход от методологии и культурологии)» я стараюсь показать, что математика представляет собой не знания о явлениях природы, как другие науки («Но чем бы помешало, – пишет полемически Е.А. Мамчур, – представителю science studies признание того, что в конечном счете эта заявка у подлинного ученого имеет цель способствовать прогрессу научного исследования, цель которого – познание законов природы» [8, с. 45, 222]). Математика – это знание конструктивной деятельности человека и о языке науки [14].

Итак, философия – не наука, хотя в настоящее время философы широко используют результаты научных исследований. Это не означает отсутствия в ней исследований, более того, они в философии сложились раньше, чем в науке. Только осознавались они иначе: например, Платон говорил о диалектике, Аристотель – о мышлении. Ретроспективно мы можем истолковать и то и другое как формы исследования, конечно, учитывая различия философии и науки.

Представления об исследовании появляются в философии очень поздно, возможно, не раньше работ Д. Дьюи. В книге 1915 г. «Психология и педагогика мышления» он вводит понятие «процесс мышления» и рассматривает его психологические факторы: проблему, прошлый опыт, представления, идеи. «Проблема устанавливает цель мысли... Что же является источниками мысли? Очевидно, прошлый опыт и прежнее знание. <...> Возникший в представлении вывод, поскольку он не принят, но сохраняется для опыта, составляет идею. Синонимами для него являются *предположения, догадка, гипотеза* и (в разработанном виде) *теория*» [4, с. 11, 66]. В работе «Введение в философию воспитания» Дьюи делает такой вывод: «Мышление касается всегда вещей неясных, неопределенных, незаконченных. Поэтому мышление есть исследование» [5, с. 23].

Но здесь еще нет тех смыслов исследования, к которым мы привыкли в настоящее время. Я имею в виду планирование исследования, желание закончить его в намеченные сроки, стремление соответствовать предъявляемым к исследованию требованиям, организацию условий, необходимых для его проведения. С точки зрения науки модерна об исследовании можно говорить только в XX в.

Указав на это проблемное поле, я дальше попытаюсь сравнить философские исследования с научными, взяв в качестве материала для сопоставления диалектическое исследование Платона, результаты которого представлены в диалоге «Пир», и исследование Галилео Галилея в его работе «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки, относящихся к механике и местному движению, с приложением о центрах тяжести различных тел». В обоих случаях речь идет об авторской реконструкции.

Дьюи правильно указывает, что проблема устанавливает цель исследования. Если нет проблем и их разрешения, то нет и исследования. Я бы уточнил: нужно говорить не только о проблемах, но и о «проблемной ситуации», а эти ситуации в философии и в науке разные. Но сначала о проблеме. Во-первых, ее нужно отличать от задачи. Если для задачи очерчен круг средств ее решения и поиска, но не ясна, образно говоря, конкретная тропа исследования, то проблема – это установка на затруднение, требующее разрешение, без указания средств и методов. Во-вторых, проблема, так

сказать, «лично нагружена», т. е. разные исследователи формулируют проблемы по-разному, соответственно их индивидуальному пониманию ситуации, знаниям и способам разрешения затруднений. В-третьих, разрешение проблемы, как правило, ориентировано на новое знание.

На основе проблем формулируются задачи, которые исследователь решает уже в поле очерченных наукой средств и методов. Это то, что Т. Кун называл «решением задач-головоломок» [7, с. 22–26]. Задачи Кун рассматривал как вид проблем нормальной науки, но, на мой взгляд, их нужно отличать от проблем.

Теперь о проблемной ситуации в философии и науке (на примере естествознания). Поскольку наука ориентирована на получение знаний (закономерностей и законов) о природе, проблемы в ней формулируются относительно природных явлений. Например, для Галилея в указанной работе проблемой является установление законов движения артиллерийского снаряда и свободного падения тел как законов природы. Одновременно эти законы Галилей истолковывает как выраженные математически. «Человеческое понимание, – пишет Галилей, – может рассматриваться в двух планах – как интенсивное и как экстенсивное. Как экстенсивное его можно рассматривать в отношении ко множеству интеллигибельных предметов, число которых бесконечно; в этом плане человеческое понимание ничтожно, даже если оно охватывает тысячу суждений, коль скоро тысяча по отношению к бесконечности есть нуль. Но если человеческое понимание рассматривать интенсивно и коль скоро под интенсивностью понимают совершенное понимание некоторых суждений, то я говорю, что человеческий интеллект действительно понимает некоторые из этих суждений совершенно и что в них он обретает ту же степень достоверности, какую имеет сама Природа. К этим суждениям принадлежат только математические науки, а именно геометрия и арифметика, в которых божественный интеллект действительно знает бесконечное число суждений, поскольку он знает всё. И что касается того немногочисленного, что действительно понимает человеческий интеллект, то я считаю, что это знание равно божественному в его объективной достоверности, поскольку здесь человеку удастся понять необходимость, выше которой не может быть никакой более высокой достоверности» [2, с. 61].

Здесь сразу стоит отметить, что природные явления могут быть описаны (промоделированы) математически и подтверждены экспериментально только в естественной науке. В гуманитарной и социальной науке вместо математических описаний, как правило, используются *схемы*. В отличие от математических моделей схемы не позволяют рассчитывать природные процессы (речь идет о второй природе), они сами впервые задают соответствующие объекты и реальность, зато позволяют понимать и действо-

вать. Например, уравнения Кеплера и Ньютона позволяют рассчитывать, когда наступит затмение. В архаической же культуре затмение понималось как нападение на солнце или луну гигантского ягуара, который их поедает, поэтому его надо отогнать, стреляя вверх и устраивая шаривари [18, с. 228]. Этот нарратив можно подвести под понятие схемы, поскольку он разрешает проблемную ситуацию, вызванную наступлением затмения, и задает новую реальность, позволяя понять, что происходит и как действовать (таковы функции схемы [15, с. 21]).

В философии проблемы ставятся не только относительно природных явлений, но и любых других. Можно указать три основных контекста философской проблематизации: это критика реальности, которая, по убеждению философа, уже не соответствует вызовам времени; это предложение и разработка схем новой реальности, встающей на место критикуемой, и, наконец, обсуждение новых способов мышления и получения знаний, которые соответствуют намечаемой новой реальности. Другими словами, для философа реальность и возможность ее помыслить – две стороны одной монеты.

В частности, созданию «Пира» предшествовала следующая проблемная ситуация. Складывалась античная личность, ориентированная на самостоятельное поведение, которая выстраивала собственный мир и себя в этом мире и поэтому не могла любить в рамках сложившейся традиции, где ей отводилась богами любви жалкая роль пассивного объекта. Последователи Парменида и Сократа в споре с софистами осознали себя самостоятельным сообществом (философами) и размышляли, кто они и как им жить. В том числе перед ними остро встал вопрос о том, как можно непротиворечиво помыслить сложные явления, например, ту же любовь. Сократ, чтобы избежать противоречий, предложил давать определения предметам, о которых идет рассуждение, и придерживаться этих определений в дальнейших рассуждениях. Но когда речь шла о сложных явлениях, это уже не помогало, поскольку философы давали этим явлениям разные определения [12, с. 21–55].

Итак, проблемная ситуация образует первое необходимое звено исследования. В осознанной форме она включает в себя проблематизацию и анализ эпистемической ситуации. Чаще всего, однако, и постановка проблем, и осмысление ситуации осознаются частично. Так, Платон в «Пире» проговаривает (и то в косвенной форме) только первую и вторую проблему. А проблемную ситуацию в целом часто удается уяснить только задним числом в ходе ретроспективной реконструкции.

Чтобы понять, каким образом проблемная ситуация детерминирует разворачивание исследования, обсудим, какими основными *интеллектуальными инструментами* пользуется исследователь. Говоря об инструментах, я

имею в виду семиотический и эпистемологический подходы. Ведя исследование, ученый и философ пользуются *схемами, идеальными объектами, методами* (методологией). Схемы и идеальные объекты они строят (создают) и понимает онтологически, т. е. как изучаемые явления или процессы природы (или феномены, принадлежащие другой реальности). Методы и исследовательские программы ученый и философ рассматривает в качестве норм или ориентиров своего мышления и деятельности.

Как правило, переход от проблемной ситуации к предварительному заданию новой реальности совершается с помощью схем. Изобретая схемы, исследователь порождает эту реальность, наделяя ее определенными характеристиками. Эти характеристики выражают, с одной стороны, его субъективные, личностные установки, актуализированные в проблемной ситуации, с другой – intersубъективные особенности этой ситуации. Например, первую часть проблемной ситуации, состоящей в стремлении самостоятельно, без богов, выбрать субъекта своей любви, Платон разрешает за счет построения схемы андрогина (каждый из нас – это половинка прежде единого человека-андрогина). «Таким образом, любовью называется жажда целостности и стремление к ней» [9, с. 100]. Платон заканчивает свой рассказ построением любви как идеального объекта и приписывает ему две характеристики: стремление к целостности и поиск своей половины.

Вторую часть проблемной ситуации (необходимость для преодоления противоречий согласовывать определения сложного явления) разрешает схема *отнесения* определений любви к *идее любви*, которая, убежден Платон, едина и непротиворечива. Такое отнесение Платон связывает со способностью, «охватывая всё общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрозненно, чтобы, давая определение каждому, сделать ясным предмет поучения. Так поступили мы только что, говоря об Эроте: сперва определили, что это такое, а затем, худо ли, хорошо ли, стали рассуждать; поэтому-то наше рассуждение вышло ясным и не противоречило само себе» [10, с. 176].

Наконец, третью часть проблемной ситуации (желание понять, как жить философу) Платон разрешает с помощью двух схем: «вынашивания духовных плодов» (душе положено вынашивать прекрасное, благо и бессмертие) и схему Эраста как гения (он «среднее между смертным и бессмертным»).

Галилей свою проблемную ситуацию разрешает с помощью трех математических схем: схемы параболы (на эту гипотезу он вышел, наблюдая падение артиллерийского снаряда), предложенной еще в Средние века Николаем Оремом схемы прямоугольного треугольника (его основание изображало время падения, а высота – его скорость) и схемы, изображаю-

щей падение тела в среде (тело Галилей рассматривал как математический шар, а среду как причину трения; он считал, что, падая, шар расталкивает частицы среды). Первоначально Галилей рассматривал вторую схему как модель реального падения тел, но после критики со стороны сторонников Аристотеля он ввел еще две схемы и показал с помощью эксперимента, что в целом эти три схемы моделируют свободное падение тел, но не в среде, а в пустоте [13]. В свою очередь Х. Гюйгенс показал, каким образом на основе математических моделей Галилея можно создать реальный механизм, работающий по законам природы.

В гуманитарных и отчасти социальных науках используются другие (не математические) схемы и нет требования экспериментального обоснования таких схем. Тем не менее с их помощью создаются идеальные объекты, т. е. исследуемым явлениям приписываются фиксированные характеристики, которых дальше придерживаются в рассуждении и дискурсе. Так ситуация выглядит со стороны методологии; для самого же исследователя идеальные объекты задаются понятиями науки (философии), представителем которой он является, и совпадают с изучаемыми явлениями с точностью до различения вещей-в-себе (Кант) и явлений (схем). На основе знаний, относящихся к идеальным объектам, исследователь разрешает проблемную ситуацию.

Например, Галилей устанавливает закон свободного падения на основе знаний, полученных на таком идеальном объекте, как тело, падающее в пустоте, для которого скорость строго пропорциональна времени (этот объект изображался в схеме Н. Орема и пояснялся Галилеем другими схемами). Платоновская любовь как идеальный объект – построение довольно сложное: он задается всеми схемами «Пира» и содержит следующие характеристики: поиск своей половины, стремление к целостности, вынашивание духовных плодов, сочетание свойств человека и бога, разлитую в космосе гармонию [12].

В норме идеальным объектам философии и науки приписываются такие характеристики, которые позволяют решить три основные задачи. Во-первых, рассуждать без противоречий; определения, а потом логические правила Аристотеля вводились именно для этой цели. Во-вторых, решать проблемы и задачи. Эта их роль в философии и науке практически не была осознана. В-третьих, идеальные объекты используются для осмысления эмпирических явлений (объектов). Например, платоновская концепция любви позволила, с одной стороны, раскритиковать и принизить народное понимание любви, заявив, что оно принадлежит Афродите вульгарной, с другой – перевести любовь с родового понимания на личностное. А Галилей показывает, что закон свободного падения тел относится не к обычной природе, а к природе, как писал Ф. Бэкон, «стесненной

искусством», т. е. по сути, к природе искусственной, включающей в себя обычные природные процессы и процессы, математически промоделированные и подтвержденные экспериментально.

Самый интересный и сложный вопрос: как понимать, что идеальные объекты создаются с целью разрешения проблемных ситуаций, какие критерии того, что имеет место именно разрешение данной проблемной ситуации, а не видимость подобного действия? Конечно, задним числом становится понятным, что произошло на самом деле (философы и ученые, как известно, пошли за Платоном и Галилеем), но можно ли указать какие-то критерии эффективности построения схем и идеальных объектов в рамках методологии исследования?

Продумывая этот вопрос, я пришел к убеждению, что здесь есть два плана. Один – объективный, точнее интересубъективный, обусловленный, во-первых, нормами определенного типа науки (естественной, гуманитарной, социальной, технической и пр.); во-вторых, определяемый реакцией аудитории, к которой ученый обращается; в-третьих, зависящий от требований, идущих от института науки (сроки, качество исследования, отчетность), в нашем случае – обусловленный нормами, аудиторией и требованиями философского цеха. Другой план – личностный, или субъективный, связанный с тем, что именно человек должен осуществить исследование, сформулировать проблему, построить схему и идеальный объект, разрешить проблемную ситуацию. При этом он неизбежно ошибается, вносит в предлагаемые решения собственные ценности, найденное им решение несет на себе печать его личности. Без его активности и поисков, включая пробы и ошибки, решение вообще не состоялось бы.

Действительно, Платон создает в «Пире» определения любви под влиянием своих представлений о философии, считая, что знания о ней должны быть непротиворечивыми, выводить на идею любви, которая работает на благо, прекрасное и бессмертие, что метод (по-гречески «путь» мысли) должен быть диалектическим. «Я, Федр, – говорит Сократ, – и сам поклонник такого различения и обобщения – это помогает мне рассуждать и мыслить. И если я замечаю в другом природную способность охватывать взглядом единое и множественное, я гоняюсь “следом за ним по пятам, как за богом”. Правильно ли или нет, я обращаюсь к тем, кто это может делать, знает бог, а называю я их и посейчас диалектиками» [10, с. 176]. Объективными характеристиками этого метода для Платона выступают: присвоение предмету имени, создание схем, построение определений, согласование их между собой, рассуждения и полемика, наконец, получение знания, разрешающего проблемную ситуацию (Платон говорит об истине, которая становится доступной человеку – «просияет» для него). Он пишет: «Для каждого из существующих предметов есть три ступени, с помощью которых

необходимо образуется его познание; четвертая ступень – это само знание, пятой же должно считать то, что познается само по себе и есть подлинное бытие: итак, первое – это имя, второе – определение, третье – изображение, четвертое – знание. <...> Лишь с огромным трудом, путем взаимной проверки – имени определением, видимых образов – ощущениями, да к тому же, если это совершается в форме доброжелательного исследования, с помощью беззлобных вопросов и ответов, может просиять разум и родиться понимание каждого предмета в той степени, в какой это доступно для человека» [11, с. 493, 494, 496].

Ряд схем в «Пире» явно был сконструирован под воздействием непонимания слушателей. Например, схема двух противоположных Афродит (вульгарной и небесной) была создана с целью преодолеть убеждение публики, что обычная любовь, инициированная богами, правильная, а небесная, о которой с таким жаром вещает Платон, сомнительная и безнравственная. «Так вот, Эрот Афродиты пошлой поистине пошл и способен на что угодно; это как раз та любовь, которой любят люди ничтожные. А такие люди любят, во-первых, женщин не меньше, чем юношей; во-вторых, они любят своих любимых больше ради их тела, чем ради души... Вот почему они способны на что угодно – на хорошее и на дурное в одинаковой степени. Эрот же Афродиты небесной восходит к богине, которая, во-первых, причастна только к мужскому началу, но никак не к женскому, – недаром это любовь к юношам, – а во-вторых, старше и чужда преступной дерзости. Поэтому-то одержимые такой любовью обращаются к мужскому полу, отдавая предпочтение тому, что сильнее от природы и наделено большим умом... Такова любовь богини небесной: сама небесная, она очень ценна и для государства и для отдельного человека, поскольку требует от любимого великой заботы о нравственном совершенстве. Все другие виды любви принадлежат другой Афродите – пошлой» [9, с. 107, 111].

Но и Галилей создает идеальные объекты учения о свободном падении, следуя принципам новой науки: она должна выявлять и описывать законы природы, описывать их математически, основываться не только на доказательствах, но и новом опыте, допускающем преобразование явлений природы на основе технического искусства. Он постоянно полемизирует со своими оппонентами, сторонниками Стагирита, обращается за поддержкой к здравомыслящим современникам, изобретает схемы и аргументы для разъяснения слушателям своих положений.

Теперь субъективная сторона. Обратим сначала внимание на глаголы, фиксирующие действия и активность Платона, который «рассуждает», «мыслит», «определяет», «гонится по пятам» и прочее. Всё это он делает потому, что хочет понять, что такое настоящая любовь, как жить философу,

каким образом мыслить без противоречий сложные явления. Но и потому, что слушатели его не понимают и возражают. Платон буквально захвачен проблемной ситуацией и коммуникацией, которые заставляют его активно действовать. А на правильность его решений указывает состояние, которое его настигает («может просиять разум и родиться понимание каждого предмета в той степени, в какой это доступно для человека»). Это говорит о том, что исследование – не только следование объективным условиям, удовлетворение их требований, но и активность самого исследователя, реализация его личности.

Галилей тоже предельно активен и упорен в реализации своих представлений. Вот он в самом начале своего исследования неправильно выбрал вариант оремовской математической схемы прямоугольного треугольника, в которой скорость падающего тела была пропорциональна не времени падения, а расстоянию, проходимому телом. Но тут же обнаружил противоречие и поменял вариант на правильный. Вот Галилею показали, что оремовская схема не может объяснить наблюдаемые случаи падения тел. Кажется, откажись от примитивной схемы и ищи другую, описывающую различные реальные примеры падения тел. Нет, Галилей верит, что именно эта математическая схема описывает закон свободного падения, и отстаивает ее, но, как умный и трезвый мыслитель, идет на компромисс: добавляет к оремовской схеме еще одну – падение тела под действием веса в среде, которая замедляет скорость. Справившись с этой трудностью и объяснив контрпримеры оппонентов, он попал в еще более сложную ситуацию: нужно теперь понять и объяснить, моделью чего является оремовская модель, и убедить оппонентов, которые верят только прямым наблюдениям. И Галилей решает обе новые проблемы. Он утверждает, что оремовская модель описывает падение тела в пустоте, и затем создает такие условия, в которых падение тел приближается к случаю падения их в пустоте. И сторонники Аристотеля убеждаются, что все тела в пустоте, независимо от веса, падают так, как это следует из оремовской модели [1, 13].

Галилей не просто ведет исследование: он активно действует, разрешает проблемную ситуацию, формулирует и решает новые задачи, изобретает схемы, создает идеальные объекты, спорит с оппонентами, отстаивает свои убеждения, разъясняет свои шаги, создает условия для подтверждения своих положений, короче, его исследование – это одновременно и реализация его личности.

На первый взгляд может показаться, что методология исследования должна быть ясна ученому или философу еще до того, как он приступил к разрешению проблемной ситуации. И такие случаи, конечно, бывают, и нередко. Но не меньше других, когда методология исследования заранее ясна только частично или вообще не ясна, налицо только отдельные принципы мышле-

ния и работы. В этом случае (его, вероятно, имел в виду Дьюи, писавший, что исследование касается вещей неясных, неопределенных, незаконченных) исследователь формирует методологию или по ходу самого исследования, что, безусловно, влечет за собой неоднократное возвращение к началу, или же задним числом, рефлексировав законченную работу. Примером может служить работа «Две жизни Александра Сергеевича Пушкина» [16], в котором я нащупывал методологию исследования в гуманитарной науке параллельно с самим исследованием, а также рефлексировав уже законченную работу.

Отметим, что исследование формируется сначала в философии. Научное исследование складывается позднее, в эллинистический период; оно концентрируется на изучении природных явлений, опираясь на математику и опытные наблюдения. Исследования Архимеда вполне подходят под этот тип, но не могут быть подведены под современный тип научных исследований. И прежде всего потому, что наука еще не сложилась как социальный институт. Архимед ведет исследование не только с эзотерическими целями, он решает практические задачи, но не для массового потребителя и промышленности, как в настоящее время, а для узкого круга просвещенных правителей Сиракуз. Даже в XVII в. исследования распространялись в небольших аудиториях. Но уже Ф. Бэкон в «Новой Атлантиде» набрасывает проект новой науки о природе, «отряды практических приложений» которой адресуются массовой аудитории и промышленности.

В XIX–XX вв. исследования превращаются в *социальную технологию*. Тем не менее внутреннее ядро философских и научных исследований продолжает оставаться прежним – формулирование и разрешение проблем и задач, построение схем и идеальных объектов, реализация личности философа и ученого. Внешнее же ядро – современная технология, предполагающая конкуренцию, помощь со стороны государства и ряда других институтов, установок на разделение труда, управление, экономико, качество, подготовку специалистов (философов и ученых) [17, с. 116–128] – активно развивается.

В рамках технологического истолкования в XX в. происходит конвергенция философских и научных исследований. С одной стороны, они обогащали друг друга, как в случае проникновения философской рефлексии в научное исследование или научных методов – в философское. С другой стороны, подобная конвергенция размывала принципы обоих типов исследования, что не могло не сказаться на их логике и методологии. От указанного процесса конвергенции нужно отличать использование в философии результатов научных исследований. В современном мире наука и философия не только взаимно обслуживают своими знаниями и методами друг друга. По целому ряду обстоятельств (пересечение исследовательских полей, технологизация, смешение ролей) они оказались в роли конкурентов, что вряд ли правильно.

Литература

1. Галилей Г. Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки, относящихся к механике и местному движению, с приложением о центрах тяжести различных тел. – М.; Л.: Гос. технико-теоретическое изд-во, 1934. – 696 с.
2. Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира. – М.; Л.: ОГИЗ, 1948. – 380 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 4. Феноменология духа. – М.: Соцэкгиз, 1959. – 488 с.
4. Дьюи Д. Психология и педагогика мышления. – М.: Мир, 1915. – 202 с.
5. Дьюи Д. Введение в философию воспитания. – М.: [б. и.], 1921. – 62 с.
6. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: в 6 т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3. – С. 69–756.
7. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975. – 288 с.
8. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм: (к дискуссиям в современной эпистемологии). – М.: ИФРАН, 2004. – 242 с.
9. Платон. Пир // Платон. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 81–135.
10. Платон. Федр // Платон. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 136–192.
11. Платон. Седьмое письмо // Платон. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 4. – С. 475–504.
12. Розин В.М. «Пир» Платона: новая реконструкция и некоторые реминисценции в философии и культуре. – М.: Ленанд, 2015. – 200 с.
13. Розин В.М. Наука о движении и механике Галилео Галилея // Розин В.М. Происхождение, развитие, типология, новая концептуализация. – М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2008. – С. 292–308.
14. Розин В.М. Математика: восстановление определенности (заход от методологии и культурологии) // Культура и искусство. – 2019. – № 5. – С. 20–30.
15. Розин В.М. Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании. – М.: Либроком, 2011. – 256 с.
16. Розин В.М. Две жизни Александра Сергеевича Пушкина // Розин В.М. Личность автора в жизни и в искусстве: культурно-исторические этюды. – М.: URSS, 2019. – С. 15–36.
17. Розин В.М. Техника и технология: от каменных орудий до Интернета и роботов. – Йошкар-Ола: Поволж. гос. технол. ун-т, 2016. – 280 с.
18. Тэйлор Э. Первобытная культура. – М.: Соцэкгиз, 1939. – 567 с.

Статья поступила в редакцию 01.07.2019.

Статья прошла рецензирование 22.07.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-139-153

HOW CAN ONE REPRESENT IN THOUGHT RESEARCH IN PHILOSOPHY AND SCIENCE?

Rozin Vadim,

Dr. of Sc. (Philosophy), Professor,

Chief Researcher, Institute of Philosophy RAS,

1 Bldg., 12 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-4025-2734

rozinvm@gmail.com

Abstract

The author raises the question of the existence of scientific research in philosophy, as well as what research in philosophy and science is in general. The scientific status of philosophy is denied, while the interaction of philosophy and science in modern culture is emphasized. The author notes that the studies, as we understand them today, took shape quite late, not earlier than in the first half of the 20th century. Although in philosophy, there was something similar to research, perceived as dialectic (Plato) and thinking (Aristotle), which originated in ancient culture; in science, research develops later in the Hellenistic period (Archimedes is already a real scientist, not a philosopher). It is proposed to reconstruct the study, in which the problems and tasks are defined, as well as the construction of schemes and ideal objects, objective and subjective aspects are considered. A subjective aspect means self-actualization of the personality of a philosopher or a scientist in the process of research. The author discusses and characterizes the already mentioned distinctions on the material of two cases (Plato's "Pir" and Galileo's work "Conversations and Mathematical Proofs Concerning Two New Branches of Science Relating to Mechanics and Local Motion with the Appendix about the Centers of Gravity of Different Bodies"). At the same time, they are compared with each other in order to clarify their features for philosophy and science. The author considers two cases of the formation and use of research methodology: first, when the methods have already been formed and determine the entire study, the second, formation of the methodology during the study itself. At the end of the article, the author discusses some features of the research, which are determined by its belonging to the institute of modern science.

Keywords: research, science, philosophy, thinking, dialectics, methodology, methods, problem, scheme, ideal object.

Bibliographic description for citation:

Rozin V. How Can One Represent in Thought Research in Philosophy and Science? *Ideas and Ideals* = *Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 1, pt. 1, pp. 139–153. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-139-153.

References

1. Galilei G. *Besedy i matematicheskie dokazatel'stva, kasayushchiesya dvukh novykh otraslei nauki, otnosyashchikhsya k mekhanike i mestnomu dvizheniyu, s prilozheniem o tsentrakh tyazhesti razlichnykh tel* [Discourses and Mathematical Demonstrations Relating to Two New Sciences]. Moscow, Leningrad, State Technical and Theoretical Publishing House, 1934. 696 p. (In Russian).
2. Galilei G. *Dialog o dvukh glavneishikh sistemakh mira* [Dialogue Concerning the Two Chief World Systems]. Moscow, Leningrad, OGIZ Publ., 1948. 380 p. (In Russian).
3. Hegel G.W.F. *Sochineniya*. T. 4. *Fenomenologiya dukha* [Works. Vol. 4. Phenomenology of the Spirit]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1959. 488 p. (In Russian).
4. Dewey J. *Psihologiya i pedagogika myshleniya* [Psychology and Pedagogy of Thinking]. Moscow, Mir Publ., 1915. 202 p. (In Russian).
5. Dewey J. *Vvedenie v filosofiyu vospitaniya* [Introduction to the Philosophy of Education]. Moscow, 1921. 62 p. (In Russian).
6. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Criticism of Pure Reason]. Kant I. *Sochineniya*. V 6 t. [Works. In 6 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1964, vol. 3, pp. 69–756. (In Russian).
7. Kuhn T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, Progress Publ., 1975. 288 p. (In Russian).
8. Mamchur E.A. *Ob'ektivnost' nauki i relyativizm: (k diskussiyam v sovremennoi epistemologii)* [Objectivity of Science and Relativism: (To Discussions in Modern Epistemology)]. Moscow, IFRAN Publ., 2004. 242 p.
9. Platon. *Pir* [Feast]. Platon. *Sobranie sochinenii*. V 4 t. T. 2 [Complete Works. In 4 vol. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1993, pp. 81–135.
10. Platon. *Fedr* [Fedr]. Platon. *Sobranie sochinenii*. V 4 t. T. 2 [Complete Works. In 4 vol. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1993, pp. 135–192.
11. Platon. *Sed'moe pis'mo* [The Seventh Letter]. Platon. *Sobranie sochinenii*. V 4 t. T. 4 [Complete Works. In 4 vol. Vol. 4]. Moscow, Mysl' Publ., 1994, pp. 475–504.
12. Rozin V.M. *"Pir" Platona: novaya rekonstruktsiya i nekotorye reministsentsii v filosofii i kul'ture* ["Feast" of Plato. New Reconstruction and Some Reminiscences in Philosophy and Culture]. Moscow, Lenand Publ., 2015. 200 p.
13. Rozin V.M. *Nauka o dvizhenii i mekhanike Galileo Galileya* [The science of motion and mechanics of Galileo Galilei]. Rozin V.M. *Proiskhozhdenie, razvitiye, tipologiya, novaya kontseptualizatsiya* [The Origin, Development, Typology, New Conceptualization]. Moscow, MPSI Publ., Voronezh, MODEK Publ., 2008, pp. 292–308.
14. Rozin V.M. *Matematika: vosstanovlenie opredelennosti (zakhod ot metodologii i kul'turologii)* [Mathematics: Definiteness Renewal (Methodology and Cultural Studies approach)]. *Kul'tura i iskusstvo – Culture and Art*, 2019, no. 5, pp. 20–30.
15. Rozin V.M. *Vvedenie v skhemologiyu: skhemy v filosofii, kul'ture, nauke, proektirovanii* [Introduction to Schematology: Schemes in Philosophy, Culture, Science, Design]. Moscow, Librokom Publ., 2011. 256 p.
16. Rozin V.M. *Dve zhizni Aleksandra Sergeevicha Pushkina* [Two Lives of Alexander Sergeevich Pushkin]. Rozin V.M. *Lichnost' avtora v zhizni i v iskusstve: kul'turno-*

istoricheskie etyudy [The Personality of the Author in Life and in Art: Cultural and Historical Studies]. Moscow, URSS Publ., 2019, pp. 15–36.

17. Rozin V.M. *Tekhnika i tekhnologiya: ot kamennykh orudii do Interneta i robotov* [Technique and Technology: from Stone Tools to the Internet and Robots]. Yoshkar-Ola, Volga State University of Technology Publ., 2016. 280 p.

18. Tylor E. *Pervobytnaya kul'tura* [Primitive Culture]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1939. 567 p. (In Russian).

The article was received on 01.07.2019.

The article was reviewed on 22.07.2019.